

Баллада об Аотру и Итрун

В земле Бретонской поутру
шумят деревья на ветру,
в земле Бретонской в скальный брег
стучит прибой из века в век.
Там холм стоит — веками лорды
тут жили, доблестны и горды,
и неусыпный часовой
на башне шаг чеканил свой.
Жил в старом замке лорд один,
холмов окрестных господин,
но жребий лорда выпал темным,
как говорит арфист о том нам.
Тот лорд ждал тщетно, чтобы звонко
смех первородного ребенка
раздался в замке, хоть жена
была красива и стройна;
вотще сокровища и золото,
вотще владенья и палаты,
коль некому оставить меч,
когда придется в землю лечь.
Терзали ум его сомненья,
о смерти видел он виденья,
в которых чудилось ему,
что зажил враг в его дому,
а склеп фамильный без ухода,
крапивою зарос у входа.
И лорд в смутившемся уме
от света обратился к тьме.

Жила колдунья, что ткала
в пещере паутину зла,
и тем, что к ней прийти готовы,
в ночи она ковала ковы, —
смеясь, плела за нитью нить,
чтоб слабых ко греху склонить,
и страшные варила зелья,
чтоб мертвый встал из подземелья
и чтоб здоровый и живой
навек утратил разум свой.
Была в пещере мгла густая,
жила мышей летучих стая
под притолокой; хохот сов
и вопли жуткие котов

в полночной тишине звучали
под сводом страха и печали.

Колдуньи логово черно —
за чередой холмов оно
упрятано в глухой долине,
где человека нет в помине
и где на валуне она
сидела ночь и день одна.

В земле Бретонской в скальный брег
стучит прибой из века в век,
и ветра с камнем разговор
не молкнет над простором гор.

Упало солнце за холмы,
день умер на пороге тьмы,
белел туман, и тенью мгла
в долине сумрачной легла;
мигали звездные лучи,
копытом конь стучал в ночи,
лорд спешился вблизи пещеры —
черна дыра, и тени серы,
закрыло облако луну,
когда шагнул он к валуну.
Слова его звучали глухо,
но их не слушала старуха —
глаза ее огня полны,
обманны, зорки и темны.

Старуха знала наперед,
кто к ней за помощью идет,
как звать его, что за беда
ведет просителя сюда.
Смеясь, колдунья с камня встала
и головою закивала,
велела обождать ему,
сама же канула во тьму —
ушла в пещеру, как в могилу,
где темную ковала силу,
и лорду вынесла фиал,
что и во тьме, как лед, сиял.
Дивился глаз тому сиянью,
что источал он каждой гранью:

искрилось зелье сквозь стекло —
оно, казалось, натекло
из горного ключа туда,
и с виду — чистая вода...

Лорд стал ее благодарить,
хотел старуху одарить,
каменья предлагал и злато —
но та в ответ: «Нет! Рановато!
Еще настанет мой черед —
я платы не беру вперед!
О зельях всякое болтают:
мол, сердце, ум они сжигают;
иные скажут сторяча,
что там водица из ключа,
но ты не верь сим словесам —
и вскоре убедишься сам.
Мне твоего не надо злата —
заслуженной пусть будет плата!
Ты просто знай: настанет срок!
День нашей встречи недалек!
Тебя сама я отыщу —
тогда и долг сполна взыщу!
Деньгами, или чем другим,
тебе безмерно дорогим...»

Леса Бретонские темны,
пути опасны и длинны,
и волн биенье слышно всюду,
и всюду есть там место чуду.
Темны леса, длинны пути,
и чащей нелегко пройти,
но наконец усталым оком
лорд свет узрел в окне высоком:
то замок был его родной.
Лорд лег с любимою женой,
и сон принес ему усладу:
как будто он с детьми по саду
идет... А утра свет в окне
погнал уж тени по стене.

И пробудился день лучистый,
и, голубея далью чистой,
в ночи омытое дождем,

открылось небо над холмом,
и волн стада под небом, снизу,
бежали, повинуюсь бризу.
Проснулся лорд и встретил день;
хоть на сердце лежала тень —
подавлен бременем тяжелым,
казаться он хотел веселым
и понуждал себя на смех,
хоть в тайне ото вся и всех
не мог он сердцу прекословить —
но в замке пир велел готовить.
«Итрун! — он рек своей жене. —
С тобой мы счастливы вполне:
единой связаны судьбой,
в любви мы прожили с тобой
немало лет — но можем вновь
вкусить и радость, и любовь,
те, что в день свадьбы мы вкушали —
почувствовать себя в начале,
вернуть блаженство тех времен,
когда под чистый, ясный звон
мы шли в одежде подвенечной
счастливой парюю беспечной.
Любовь еще жива у нас!
Да будет пир! И в добрый час!
Веселье в замке грянет пусть!
И пусть в сердцах сотрется грусть,
и пусть на пире предстоящем
мы новую любовь обрящем!
А там — как знать, быть может. Бог
пошлет нам счастье на порог
во времени, быть может, скором —
то счастье, молим о котором
мы оба уж не первый год...
Блажен, кто молится и ждет».
Вот так сказал он, но улыбка
была неискренна и зыбка.

В Бретонской дальней стороне
ключи студены по весне,
и птицы весело поют
и гнезда на деревьях вьют.

Бутоны отворились в мир,

веселый в замке грянул пир,
вино лилось, и менестрели
о радости великой пели,
и всяк печали позабыл,
как будто день венчанья был.
Лорд с чашей встал и, улыбаясь,
сказал, к хозяйке обращаясь:
«Итрун, твое здоровье пью!
За душу чистую твою!
За то, чтоб было счастье наше
сладчайшим, как вино в сей чаше!»

Не видно дна, вино красно,
но зелье в нем растворено —
из тех, что, не имея цвета,
рождаются во тьме, без света.
Хозяйка чашу подняла:
«Да будет, Аотру, светла
твоя стезя! И мы, как прежде,
всецело вверимся надежде!»

Помчались дни, с тех пор светлы,
и ночи были веселы,
и жизнь текла их без печали;
сны часто лорда возвращали
к виденью, в коем с ним всю ночь
в саду играли сын и дочь —
и свет лился на них с небес,
но был за садом темный лес...

Весна и лето миновали,
листва и лепестки опали,
задули вьюги, выпал снег,
лес обнажился и поблек,
ревело море, и прибой
на берег волны гнал гурьбой,
и сквозняки всю ночь, как звери,
протяжно выли из—под двери,
но люди в замке, у огня,
спокойно дожидались дня,
когда весна, не зная горя,
придет, как судно из—за моря.

Как вешняя капель нежна,

лилася песня из окна
и таяла в вечерней дреме...

«Скажите, что за радость в доме?»

«Хозяйке нашей полегчало!
Да—да, лиха беда начало!
Свершилось в нашем замке чудо —
несется детский плач оттуда!
Там два младенца! Пусть все трое —
и мать, и дети, спят в покое!»

«О, если бы сторицей Бог
ответить на молитву мог
и тем из нас, кто небогат
и всякому даянью рад!»

«Любому может повезти,
да вот не каждый лорд в чести!
Бог знает, дар кому направить.
Идем—ка в дом, чтоб их поздравить!»

Не слышно боле в доме стоны —
но сын и дочь, как два бутона,
светло на Божий мир глядели,
в просторной лежа колыбели, —
и счастьем успокоясь этим,
хозяйка пела песню детям.
И лорд был счастлив с нею тоже —
но мрачным он стоял у ложа.
«Свершилось, — он сказал жене, —
все то, о чем мечталось мне,
и ныне нам с тобой дано
узреть, что ждали мы давно!
Есть у тебя еще желанья?
О, я готов без колебанья
исполнить их и все найти —
что ни попросишь принести,
хоть из лесу, хоть из—за моря,
чтоб жили мы, не зная горя!»

«О, Аотру! — молвила она. —
Большая радость нам дана,
послать которую молили

мы, обращаясь к доброй силе!
Но почитая и любя,
боюсь я отпустить тебя!
И все ж одно желанье есть —
мне мяса хочется поесть».
«Итрун, скажи — любую дичь
готов я для тебя настичь,
будь то хоть утка в небесах
или олень в густых лесах!
А жажда мучит? Нет беды!
Я принесу тебе воды
из самых дальних родников —
я для тебя на все готов!
Поверь, Итрун! Мне эти дети
дороже всех даров на свете!»
«О, Аотру! Вчера во сне
желание явилось мне
испить воды хотя б глоток
и оленины съесть кусок,
но тот родник скрывает тень,
и в неземном лесу олень.
Проснулась я, но, как назло,
желанье это не прошло.
Все ж почитая и любя,
боюсь я отпустить тебя!»

В земле Бретонской поутру
шумят деревья на ветру,
в земле Бретонской лес густой —
там бурелом и сухостой,
и никогда там не звучит
ни лай собак, ни стук копыт,
и ни охотник, ни стрелок
там не трубит победно в рог.

Взял флягу лорд и взял свое
в три сажени длиной копьё,
взял рог и ясневый лук —
и неся дробный перестук,
и звезды белого огня
из—под копыт его коня
летели. В Бросельяндский лес,
держа копьё наперевес,
лорд въехал в тишине звенящей.

Непуганные звери чащи
услышали, как ветерок
донес до них далекий рог.
Внезапно в никнущем тумане
лорд увидал бок белой лани —
среди листвы была она
таинственно освещена.
Как только он за ней погнался,
зловещий смех в лесу раздался,
но лорд был слишком увлечен,
за ланью устремился он
и за водой, которой нет
в ключах, что добрый пили свет.
Пустив коня под сень древес,
лорд углубился в темный лес;
стучать копыта стали тише;
над головой подобьем крыши
сомкнулись ветви, без прорех —
и громче становился смех.

Клонилося солнце. Тишина
кругом стояла, как стена.
И лань исчезла в темной чаще.
Мрачны деревья и молчащи,
корявы корни, слепы очи
в лесу глухом в преддверьи ночи.

Увидел лорд в пещеру вход —
пред ним источник феи бьет,
откуда чистая вода
бежит, сверкая, как слюда.
Чтоб остудить погони пыл,
водою лорд лицо омыл и фею увидал —
она, прекрасна ликом и юна,
в накидке серебристо—серой
сидела пред своей пещерой;
была рука ее бела —
она манила и звала.
Чесала гребнем золотым
та фея волосы пред ним —
и локоны ее, длинные,
при свете ледяном луны
спадали: так же из ключа
сбегают сонмы струй журча.

Он голос феи услышал —
как будто эхо среди скал
времен далеких, стародавних,
когда никто не жег огня в них
и леса не рубил топор
на пышных склонах юных гор.
Студен тот голос был и льдист —
как будто ветра с моря свист,
но сладки были ее речи:
«О, Аотру! Я рада встрече!
Позволь тебе задать вопрос —
что ты в награду мне принес?
Ведь ты пришел в мои края,
чтоб заплатить, надеюсь я?»

«Ты кто? Тебя не знаю я!
Зачем пещера мне твоя?
Нет, не искал я Корригану!
Тут, не иначе, быть обману!»

«Меня ты разве не узнал?
Иль не мое ты зелье брал?
Пришла пора, теперь плати —
живым иначе не уйти!
Любовью плату я возьму!
А ночи сладки здесь тому,
кто, позабыв дорогу к дому,
вкушает колдовскую дрему!»

«О нет! Есть у меня жена —
с детьми сейчас лежит она
на ложе нашем. Видно, зла
была та лань, что завела
меня сюда помимо воли!
И нечего сказать мне боле».
Но холодно взглянув на лорда,
ему сказала фея твердо:
«Забудь жену! Забудь любовь!
Сегодня женишься ты вновь —
на мне! Иль не уйдешь отсюда —
и камнем быть тебе, покуда
подле холодного ключа,
во тьме, без светлого луча,
истаяв, весь не изойдешь

и мхом зеленым порастешь».

«О, фея темени и хлада,
грозить мне попусту не надо!
Я возвращусь домой — туда,
где радостно журчит вода,
животворяща и чиста
Пресветлым Именем Христа!»

«Но только знай, что без меня
жив будешь ты всего три дня».

«Тебе ли назначать мне срок?
Его отмерит только Бог,
и знает Он, когда меня
прибрать — под старость иль в три дня».

В земле Бретонской небеса
прозрачны — и темны леса;
в земле Бретонской поутру
шумят деревья на ветру,
но иногда разносит он
над морем колокольный звон.

Без троп, во тьме, по бурелому
из лесу лорд стремился к дому
и наконец к опушке вышел —
и дальний колокол услышал;
уже под ним его земля,
его уголья и поля —
к замку доскакал
и у ворот без сил упал.
«Постель стелите, — молвил он. —
Скорей! Меня с ног валит сон.
Кровь стынет в жилах, — знать, таят
они какой—то страшный яд.
Меня неведомая сила
кругами по лесу водила
всю ночь...» Снесли его на ложе —
и тяжкий сон, мученья множа,
его объял: по тропам темным
лорд брел один в лесу огромном,
и ветер выл издалека,
гоня над морем облака;

и прямо перед ним плыло
лицо, смеющееся зло:
«Вот наши и сошлись пути —
теперь пора! Теперь плати!»
И Корригану в дымке серой
увидел лорд перед пещерой:
сидела у ключа старуха
и что—то напевала глухо,
и космы сизые, как дым,
чесала гребнем костяным;
в другой руке ее сияло
на дне граненого фиала
то зелье, что она ему
дала, призвав на помощь тьму.

Лорд к вечеру очнулся: «Звон...
Я слышу звон, — промолвил он. —
И пенье слышу при луне...
Но говорить о том жене
я запрещаю! Смерть близка...
Не говорите ей пока!
Сгубило колдовство меня —
и мне осталось жить два дня,
но пусть Итрун моя и дети
сто лет живут на этом свете!»
Из темной речи лорда слуги
не много поняли в испуге,
но все же предпочли молчать
и ничего не отвечать.
Итрун наутро пробудилась
и сразу к слугам обратилась:
«Какое утро! Свет какой!
Не приходил ли лорд домой
под вечер? Спать об эту пору!
Устал... Наверно, встанет скоро».

«Нет, лорда не было пока,
но к вечеру наверняка
мы известим тебя о том,
что муж твой воротился в дом.
А может, завтра поутру
заявится он ко двору...»

На третье утро пробудилась

Итрун — и к слугам обратилась:
«Смотрите, утро холодно,
а мужа нет уже давно —
он не явился ко двору
ни к вечеру, ни поутру».

«Откуда знать нам?» — Так в испуге
Хозяйке отвечали слуги.

В пеленках белых рядом с ней
лежали дети — им семь дней
уж было от роду; привстал
Итрун и девушкам сказала:
«Вернется скоро муж домой.
Наряд несите лучший мой,
несите кольца, жемчуга —
пусть видит лорд, сколь дорога
мне радость встречи и что снова
жена его вполне здорова».

Она взглянула из окна —
прохладно, ветер, тишина:
деревья дышат тяжело,
и небосвод заволокло,
не слышно цокота копыт,
и лишь по кровле дождь стучит...
И бьет прибой из века в век
в земле Бретонской в скальный берег.
Темнел вечерний небосклон,
когда раздался в церкви звон.
Итрун спросила: «О, по ком?
По ком звонят, взнося псалом?
Что там священники поют?
Кого на кладбище несут?»

«Какой—то странник, говорят —
его нашли у наших врат
совсем больного. Конь был хром.
И странника забрали в дом,
но умер он и, слава Богу,
теперь отправился в дорогу,
которую сулил всем Бог —
на досках похоронных дрог».

И ликом сделавшись темна,
меж слуг заметила она
рыдавших: «Может, был он строен,
красив и почестей достоин?
Иль, может быть, настолько зла
его судьба в миру была,
что плачете? Зачем молчите?
Кто этот странник, говорите —
чтоб я могла спокойно спать
или в отчаяньи рыдать».

Смолчали слуги. И всю ночь
Итрун пыталась превозмочь
жестокий жар, мечась в постели.
С утра — лишь росы заблестели
на каждом листике в саду,
сказала: «В церковь я пойду.
Должна там нынче побывать я.
Мне красное несите платье,
парчовое, иль голубое,
иль все равно теперь какое».
«Нет, леди! Надлежащий вид
принять обычай нам велит:
одежде следует быть черной,
душе — смиренной и покорной».
И в черном платье от порога
пошла Итрун молиться Богу:
в руке свеча и долу ликом,
брела в смирении великом.
Во мгле церковного придела
она покрытый гроб узрела,
свечей оплывших скорбный ряд
и пламя тлеющих лампад —
и своего владыки меч
и герб узрела в свете свеч.
Вотще его богатства ныне —
пришел конец его гордыне.

Во мгле церковного придела
навек Итрун похолодела —
хозяйку подняли с земли
и тихо в замок отнесли,
и уложили на постели
под плач младенцев в колыбели.

Жгли свечи в замке, факела,
и за молитвой ночь прошла —
а утром, словно бы без сил,
церковный колокол забил,
взмывая в высоту небес;
и Бросельяндский темный лес
услышал этот звон протяжный:
и там, где бил в долине влажной
источник с чистою водой
перед пещерой вековой,
укрытой непролазною чащей,
раздался хохот леденящий.

И вместе с Аотру под холмом
нашла Итрун последний дом.
Еще немало долгих лет
светил их детям солнца свет,
и выросли они, но все же
отец и мать на скорбном ложе
об их судьбе из—под земли
уже проведать не могли.

В земле Бретонской в скальный брег
стучит прибой из века в век,
в земле Бретонской поутру
шумят деревья на ветру.

Повествованье кончил я
о лорде — Бог ему судья!
И хоть печален сей рассказ,
но ведь не всякий день у нас
веселье. И с надеждой новой
и чистой верою Христовой
жить учит Бог, день ото дня
нас от отчаянья храня,
пока Пречистой Девы очи
нам не рассеют дольней ночи.